

Г. Д. САНЖЕЕВ

Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики

Научное изучение монгольских языков и диалектов, в области которого так значителен ценный вклад таких сынов польского народа, как О. М. Ковалевский, В. Л. Котвич и М. Левицкий, в настоящее время достигло такого уровня и приняло такой размах, что уже можно говорить об известной специализации среди тружеников в этой отрасли языкознания.

Разумеется, сказанное не означает того, что круг научных интересов современного поколения монголистов ограничивается только определенными объектами их непосредственного исследования. До сих пор не было и в настоящее время нет такого монголиста, для которого были бы чужды проблемы сравнительно-исторического изучения монгольских языков или, по крайней мере, отдельных сторон таких проблем. Все это поставило монголистов перед несомненно уже назревшей необходимостью и, что важнее всего, возможностью разрешить основные проблемы образования и развития монгольских языков и диалектов как прошлого, так и настоящего.

I

Как известно, самые древнейшие памятники монгольского языка относятся к началу XIII века, ибо „киданьские” надписи, которые могли бы позволить нам продвинуть письменно засвидетельствованную историю монгольской речи примерно до X века, могут быть включены в инвентарь монголистики в качестве несомненно надежных данных лишь тогда, когда они подвергнутся серьезной филологической обработке и научно обоснованной расшифровке. Дело в том, что некоторые особенности языка этих надписей, как об этом можно судить по отрывочным данным С. Мураяма¹, до известной степени напоминают нам то, что уже хорошо известно по памятникам монгольской речи так называемого среднего периода, т.е. XIII—XV вв.

¹ С. Мураяма, *Китан модзи кайдокуно хōхō*. „Гэнго кэнкю”, 1951, № 17—18, стр. 27—70 (с кратким резюме на немецком языке).

Мы должны быть, поэтому, в полной уверенности, что эти надписи на монгольском языке, обнаруженные в могильниках киданьских царей, действительно восходят к киданьскому периоду.

Впрочем, если иметь в виду то обстоятельство, что язык орхонских надписей в структурном отношении принципиально мало чем отличается от современных тюркских языков и что язык вообще развивается крайне медленно, особенно его основной словарный фонд и грамматический строй, приходится думать, что вряд ли киданьский язык существенным образом будет отличаться от монгольской речи раннего и среднего периодов ее истории. К тому же не следует забывать и того, что этих, так называемых „киданьских”, надписей не так уже много. Конечно, эти надписи будут иметь весьма существенное значение, так как они прояснят многие стороны темной истории монгольской речи конца первого тысячелетия нашей эры².

А так как, повидимому, нам трудно ожидать, что в ближайшее время наука окажется в состоянии раскрыть тайны с языками сянь-би, жуань-жуаней и некоторых других народов Центральной Азии первого тысячелетия нашей эры, предполагаемых в качестве прямых или косвенных предков монголов, то мы вряд ли сумеем все тот же письменно засвидетельствованный период истории монгольской речи начать раньше, чем с XIII века. При самых благоприятных условиях, о которых мы можем пока лишь мечтать, монголистика сможет оперировать данными, восходящими примерно лишь к первым векам нашей эры. Следовательно, мы, монголисты, как и тюркологи, оказываемся в явно неблагоприятном положении по сравнению с индоевропейцами, располагающими материалами многовековой давности до нашей эры.

Однако самым главным здесь является вопрос не столько об абсолютной хронологии монгольской речи ранних периодов, сколько большая вероятность того, что данные предполагаемых монгольских языков первого тысячелетия нашей эры вряд ли каким-либо образом сумеют выявить такое состояние монгольской речи, которое к о р е н н ы м образом отличалось бы от всего того, что нам известно об этой речи по самым древним памятникам монгольской письменности. Опыт с результатами расшифровки орхонских надписей мы должны учитывать и здесь, т.е. и не только тогда, когда речь заходит о языке „киданьских” надписей.

При таких условиях монголистика должна будет и впредь мириться с тем, что о состоянии монгольской речи периода, предшествующего XIII веку, она может располагать лишь данными, добытыми благодаря применению

² Некоторые сведения о языковых особенностях киданьских надписей и интересные соображения о научном значении этих памятников монгольской речи приводит проф. Л. Л и г е т т и в своей рецензии на нашу *Сравнительную грамматику монгольских языков*, Москва, 1953, опубликованной в журнале „Вопросы языкознания”, Москва, 1955, № 5, стр. 133—140.

сравнительно-исторического метода. А для этого существенно важными оказываются самые разнообразные данные по современной монгольской диалектологии, — в этом смысле мы многого ожидаем от результатов монголоведных исследований проф. Л. Лигети, проведенных среди монгольских племен в Афганистане и могущих быть поставленными в один ряд с известными работами А. Мостэра по монгорскому языку³. В этой же связи мы должны подчеркнуть то особое значение, которое имеют изыскания М. Левицкого и Э. Хэниша в области исторической диалектологии; к этим работам мы теперь должны присоединить замечательные исследования Ф. У. Клива⁴. Имея все эти фундаментальные труды, наша монголоведная наука теперь уже имеет возможность ставить перед собою вполне определенные, хотя и ограниченные, задачи в области исследования монгольской речи древнемонгольского периода, поскольку это касается проблем фонетического и грамматического строя. Но существенно важными для этого периода могут быть сравнительно-исторические изыскания лексикологического и этимологического порядка.

Следует отметить, что вопросам исторической лексикологии и этимологии до сих пор в монголистике не уделялось достаточного внимания, поскольку речь может идти о необходимости проникновения в глубинные истоки истории монгольских языков в их сложных связях с прочими алтайскими и вообще центрально-азиатскими языками, а также и с палеоазиатскими. Конечно, мы не пытаемся здесь в какой бы то ни было степени умалять значение уже сделанного в этой области монголистики усилиями целой плеяды ученых, — мы отмечаем лишь необходимость усиления углубления наших историко-этимологических исследований.

Сравнительно-исторические изыскания в области фонетики имеют науч-

³ Об этих работах проф. Л. Лигети сообщает нам в своих статьях О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана и *Le lexique moghol de R. Leech*, „Acta Orientalia”, Budapest, 1955, том IV, стр. 93—117 и 199 — 158.

⁴ М. Lewicki, *La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Howa-yi yi-yu de 1389*, Wroclaw, 1949; Е. Hoenisch, *Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts*, Berlin, 1952; F. W. Cleaves, *The Sino-mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu; The Sino-mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-jui; The Sino-Mongolian Inscription of 1346*, „Harvard Journal of Asiatic Studies”, соответственно: 1949, том 12, стр. 1—133; 1950, том 13, стр. 1—131; 1951, том 14, стр. 1—104; 1952, том 15, стр. 1—123. К этим монголоведным исследованиям тематически примыкают также хорошо известные работы П. Пеллио, Антуана Мостэра и С. А. Козина, посвященные разбору различных сторон языка „Сокровенного сказания”, а также алтаистские исследования Пентти Аальто.

ное значение лишь постольку, поскольку они способствуют разрешению проблем исторической грамматики и лексикологии с этимологией. Ведь, в самом деле, наша наука не может далеко продвинуться вперед, если она ограничится только установлением того важного, но все же голого факта фонетического порядка, что, например, согласный *t* в исконном положении перед гласным **i* сохраняется в монгольских языках в случае первого перелома этого гласного⁵, если при этом не становится возможным этимологически увязать такие слова, как, современно-монгольские *tagnā* 'подслушивать, разведывать, шпионить' (←**tingna-*), *čagnā* 'слушать' (←**čin-gna-* ←**tingna-*), киргизское *tīnšō* — или каракалпакское *tīnla-* 'слушать, подслушивать'.

Если бы нам, монголистам, объединенными усилиями удалось самым серьезным образом наши лексикологические и этимологические изыскания поставить на прочную сравнительно-историческую основу и, с широким привлечением данных тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, проникнуть в первую половину нашей эры, то можно бы рассчитывать на то, что монголоведные достижения в какой-то мере могут приблизиться к успехам, например, финно-угорского языкознания. Перед нами, монголистами, стоит нестложная задача дать такой анализ лексики монгольских языков, из которого было бы видно, какая же часть этой лексики составляет достояние, унаследованное от предполагаемого алтайского языка-основы, что же из нее приходится на долю собственно монгольского фонда и какие же элементы оказываются заимствованными из каких-либо других языковых источников, включая сюда палеоазиатские, — монголистика должна с полной уверенностью сказать, какие же слова в монгольской лексике являются заимствованными из тюркских языков, а не относятся к достоянию общеалтайской общности.

⁵ О втором и третьем переломах гласного *i* см. Б. Я. В л а д и м и р ц о в, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, Ленинград, 1929, стр. 176—190, 399, и 406, особенно — §§ 264 и 273, где говорится о переломах, которые имели в более раннее и более позднее времена. Поэтому является крайне опрометчивым заявление о том, что: „Es gibt nur eine *i*-Brechung, die nachweisbar im 14 Jahrhundert begann” (см. „Central Asiatic Journal”, том 1, № 1, 1955, стр. 80). Ссылка же на так называемые „Vokalwechsel” не имеет серьезного значения, поскольку они сами являются результатом определенного развития в раннем монгольском вокализме. Сказать просто, что **qadiyiar*, с одной стороны, и **qadayar*, с другой, есть явления чередования гласных *i* и *a*, это значит в бессилии отказаться от ответа на вопрос о том, что же из них является первоначальным, и в принципе отвергать идеи эволюционного развития в истории языка. Впрочем, подобное утверждение, сделанное в „Central Asiatic Journal”, механически воспроизводит уже сказанное в „Harvard Journal of Asiatic Studies” (том 17, вып. 1 и 2, стр. 302).

Поэтому следует всячески расширять и продолжать те монголоведные исследования историко-этимологического и лексикологического характера, которые начали оживляться за последнее время в нашей науке и заслуживают всяческого внимания⁶.

II

Как уже теперь определенно выясняется, среди монголистов нет единой точки зрения по вопросу о том, когда и как сложились современные монгольские языки, когда и как распалась некогда единая монгольская речь.

Как известно, Б. Я. В л а д и м и р ц о в писал, что монгольский язык „в настоящее время является живым разговорным языком многих монгольских племен, расселившихся на больших пространствах Азии и отчасти Европейских племен, расселившихся на больших пространствах, входя в состав разных плем... Разбросанные на таком большом пространстве, входя в состав оседло-политических объединений, ведя то кочевой, то полуседлый и совсем оседлый образ жизни, монголы говорят на многих наречиях и говорах. Общего монгольского языка не существует вовсе. Говорить по монгольски значе чит говорить на одном из многих монгольских наречий; если можно сказать, что по монгольски говорит халхас из под Урги (Улан-Батор), то с таким же основанием можно признать, что по монгольски говорит... бурят из Прибайкалья и хошут на тибетских нагорьях”⁷. Мы же имели случай высказаться в том смысле, что образование и начало развития современных монгольских языков относится к периоду, который последовал за распадом монгольской государственности Чингис-хана и расселением различных монгольских племен на обширных пространствах Евразии⁸. Некоторые монголисты полагают, что в XII—XIII вв. не было и не могло быть единого монгольского языка⁹.

Высказывается также мнение о том, что вопрос может быть поставлен так: в XII—XIII вв. единого монгольского языка не было либо потому, что

⁶ Здесь мы имеем в виду прежде всего работы: М. Lewicki, *Turcica et Mongolica* („Rocznik Orientalistyczny”, том XV, str. 239—267); L. Ligeti, *Histoire du lexique des langues turques* („Rocznik Orientalistyczny”, том XVII, str. 80—91); J. Németh, *Wanderungen des mongolischen Wortes nökör* („Genosse” „Acta Orientalia”, том III, str. 1—24. Сюда же относятся упомянутые выше работы того же М. Левицкого, Л. Лигети, Ф. Клива, также изыскания А. Мостера, особенно *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols*, Cambridge, Mass., 1953.

⁷ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*. Ленинград, 1929, стр. 3.

⁸ См. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*. Том 1. Москва, 1953, стр. 5—14.

⁹ Например, Г. И. Михайлов, — см. его рецензию на названную нашу работу („Краткие сообщения Института востоковедения”, XII, Москва, 1955, стр. 98).

к этому времени еще не было условий для языкового объединения всех монголов в одно целое, либо потому, что единство монгольского языка, наоборот, было уже нарушено в пору глубокой давности, за несколько веков до XII—XIII вв. Сторонники последней точки зрения теоретически исходят из того совершенно бесспорного факта, что между периодом первоначального выделения монгольской речи из общеалтайского языка-основы и эпохой XIII века лежит громадный отрезок времени. Совершенно невероятно, говорят они, чтобы за такой длительный период монгольский язык, носители которого занимали в Центральной Азии обширные пространства, мог все время оставаться единым и общим для всех протомонгольских и древнемонгольских народов и племен¹⁰, — в этой связи упоминаются, например, сянь-би, жуань-жуане, кидане и т.д.

Более внимательный разбор концепций представителей изложенных точек зрения показал бы, что эти концепции либо основаны на различном понимании языкового единства, либо являются плодом какого-то недоразумения, повод к которому, возможно, дан в нашей же работе, — не случайно об этом заговорили и Г. И. Михайлов, и проф. Л. Лигети одновременно и независимо друг от друга.

Кроме того, мы здесь сталкиваемся с проблемой, которая в языкознании вообще продолжает оставаться до сих пор весьма смутной, в силу чего общепризнанное научное определение лингвистических признаков различия между языком и диалектом все еще отсутствует, а это особенно касается языкового состояния дописьменных периодов¹¹. Как известно, в определенных случаях исследователи не могут точно определить, является ли речь того или иного племени языком или диалектом другого языка. Так, например, Г. И. Михайлов пишет, что „... и наличие в XII—XIII в. йокающих диалектов дает повод сомневаться в существовании у монголов той эпохи единого, общего для всех монгольских племен языка”¹². Равным образом, проф. Л. Лигети в своей упомянутой выше рецензии на нашу *Сравнительную грамматику монгольских языков* по вопросу о монгольской речи в эпоху до XII века пишет: „Теоретически и в данном случае трудно представить, что в то время монгольский язык был единым. Ведь на основании источников ясно видно, что мы должны считаться с наличием по меньшей мере трех

¹⁰ Такая точка зрения высказывается, например, проф. Л. Лигети, который совершенно правильно утверждает, что необходимо „категорически отвергнуть предположение некоторых тюркологов и монголистов о том, что за один-два века до нашей эры из алтайского языка-основы еще не выделились ни тюркские, ни монгольские языки” (см. „Вопросы языкознания”, Москва, 1955, № 5, стр. 136).

¹¹ См. например, V. Polák, *Z zagadnień ogólnej teorii dialektu*, „Lingua Posnaniensis”, II, Poznań, 1950, str. 51—69.

¹² См. упомянутую выше рецензию Г. И. Михайлова, стр. 98.

центров монгольской речи: ши-вэй, кидане и ту-йюй-хунь, или а-жа. Однако факты свидетельствуют о том, что едва ли можно говорить о языковом единстве даже в пределах этих отдельных центров. Так, на основании доступных нам киданьских глосс мы должны сделать вывод, что нужно иметь в виду наличие диалектов в самом киданьском языке, расхождения между которыми нельзя считать незначительными¹³. С этим по существу нельзя не согласиться. Однако можно было бы указать, что наличие у современных бурят йокающих диалектов, наряду с жакающими, до сих пор не давало повода сомневаться в существовании именно одного языка, единого для всех бурят от Нижнеудинска до Барги.

При изложенных условиях монголисты, как нам кажется, свои изыскания по вопросу о единстве монгольского языка на том или ином этапе истории монгольских народов и племен впредь должны перенести на почву конкретных лингвистических данных. Это значит, что в настоящее время вопрос о наличии у древних монголов дочингисхановского периода одного или ряда языков временно должен быть оставлен открытым, по крайней мере, до той поры, пока не будет точно установлено, что сянь-би, жуань-жуане, кидане и другие народы Центральной Азии, во-первых, были монголыязычными и, во-вторых, являются прямыми предками носителей современных монгольских языков, а не ассимилировались в иноязычной среде, как это почти на наших глазах случилось с меньчжурами и многими другими народами Китая и происходит с монгольскими диалектами в Афганистане, как об этом сообщает нам Л. Лигети¹⁴. Можно ли определенно утверждать, что возможные языки ши-вэй, киданьский и ту-йюй-хунь являются прямыми „предками“ современных монгольских языков и диалектов? Это значит, что в сравнительно-историческом плане вопрос может идти лишь о современных монгольских языках, конечно, до тех пор, пока не обнаружатся какие-либо данные о древнемонгольской речи и ее носителях.

Проблема может быть сформулирована иначе следующим образом: а) либо современные монгольские языки являются результатом различной эволюции какого-нибудь одного монгольского языка, скажем, XII—XIII вв., как это представляется нам более всего вероятным, б) либо эти языки восходят к различным монгольским языкам древности, — в первом случае вопрос о наличии в древности ряда монгольских языков оставался бы пока открытым.

Здесь мы с удовлетворением отмечаем, что наша точка зрения по существу не отличается от той, которая излагается в упомянутой выше статье Л. Ли-

¹³ См. „Вопросы языкознания“, Москва, 1955, № 5, стр. 139 (подчеркнуто нами).

¹⁴ В своей упомянутой выше весьма содержательной статье *О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана*, стр. 99 и дальше.

г е т и *О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана*: „Мы должны согласиться с Санжеевым в том, что в XIII—XIV вв. различия между монгольскими диалектами были значительно меньше, чем сегодня... Это, конечно, далеко не значит, что монгольский язык XIII—XIV вв. был единым, и, что у него не было диалектов”¹⁵. Ведь о монгольских диалектах этого периода говорится и в нашей работе¹⁶. Если единым языком считать такой язык, который не имеет диалектов и говоров, то вряд ли монгольские племена когда-либо вообще имели единую речь, т.е. даже в момент выделения этой речи из предположительной алтайской языковой общности. Вместе с тем отметим, что, например, Ф. Бак современные монгольские языки называет диалектами, а это, с нашей точки зрения, означает, что все монгольские народы и племена нашего времени говорят лишь на различных диалектах одного единого монгольского языка¹⁷. Совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело только с различным употреблением одних и тех же лингвистических терминов, — а это, конечно, не означает того, что Л. Лигети и Ф. Бак стоят на диаметрально противоположных позициях.

Мы полагаем, что наши изыскания могут принять конкретный лингвистический характер, если они будут идти от более известного к менее известному. А наиболее известным является, конечно, состояние современных монгольских языков. Это значит, что наиболее известными являются те лингвистические признаки, по которым одни монгольские языки отличаются от других монгольских же языков. А в свете изложенного задача сравнительно-исторического исследования этих языков заключается в том, чтобы определить:

- 1) каковы наиболее характерные и самые существенные черты каждого из изучаемых языков в сферах фонетической, грамматической и лексической;
- 2) с какого периода эти черты появились в каждом данном монгольском языке.

Определить изложенное — это значит определить, с какого периода тот или иной монгольский язык стал приобретать свою особенную специфику и, тем самым, выделяться в самостоятельное явление.

III

В пределах данного сообщения было бы, разумеется, невозможным подвергнуть разбору все те лингвистические—фонетические, морфологические, синтаксические и лексические признаки, которые составляют специфику

¹⁵ „Acta Orientalia”, том IV, стр. 103.

¹⁶ См. нашу *Сравнительную грамматику монгольских языков*, стр. 11.

¹⁷ Fred Buck, *Comparative Study of Postpositions in Mongolian Dialects and the Written Language*, Cambridge, Mass., 1955.

er
e,
y

or
ky

1
e,
y

¹⁸ Г. Дэрфэр, „обнаруживший” противоречия в нашей *Сравнительной грамматике монгольских языков* (между тем, что на стр. 9 и 94 говорится по поводу важных фонетических изменений в бурятских диалектах), процессы в развитии языка, повидимому, рассматривает как явления одного прешающего удара, протекающие в течение весьма короткого периода, и пренебрегает нашим указанием на стр. 96 этой же работы; что эти процессы ходит мимо нашего указания на стр. 96 этой же работы; что эти процессы в истории имели место предположительно „..... около XIV—XV вв. или несколько позднее, вплоть до XVI—XVII вв.” Конечно, в таблицах относительно всех монгольских языков деталей одного языка оговаривать было невозможно, — именно об этих таблицах и говорит Дэрфэр (см. „Central Asiatic Journal”, том I, стр. 79).

Изложенное показывает, что бурятский язык свои существенные фонетические признаки, отличающие его от прочих монгольских языков, приобрел в сравнительно позднее время, не раньше периода появления в халхаских диалектах свистящих аффрикат *ʒ* и *с* и что в еще юаньскую и минскую эпохи все эти диалекты фонетически существенным образом друг от друга не отличались. Что касается лексики, то бурятские диалекты вообще от прочих монгольских диалектов отличаются главным образом в части терминологии, относящейся безусловно к институтам социально-экономической жизни более позднего, феодально-буддийского периода. В грамматическом же отношении различия между бурятским и прочими монгольскими диалектами не выходят за пределы обычной диалектной дифференциации.

Если, как мы видели, бурятские диалекты в некоторой части своей фонетики пережили более глубокую эволюцию, нежели халхаские диалекты, то несколько иначе обстоит дело с ойратскими диалектами. Существенными фонетическими признаками ойратских диалектов являются: сохранение более древнего согласного *k* в положении перед гласным *i* в словах заднего ряда и во всех словах переднего ряда, например, *sälkŋ* ← *salkin* 'ветер' (халх. *salxī*), *kerëk* ← *kereg* 'дело' (халх. *xerëk*); сохранение переднеязычного характера конечного согласного *n*, например, *modŋ* ← *modun* 'дерево' (халх. *modön* 'деревянный'); деаффрикатизация аффрикатного согласного *ʒ* ← *ʒ̥*, например, *ʒun* ← *ʒun* ← *ʒ̥un* 'лето' (халх. *ʒun*, бур. *ʒun*).

Несомненно, все эти фонетические особенности которыми отличаются друг от друга халхаские и ойратские диалекты, появились также в более поздний период, после территориального распада носителей этих диалектов. К этим фонетическим особенностям можно было бы прибавить еще признаки лексического и грамматического характера.

Монголисты хорошо знают, какое исключительное и большое значение в истории монгольских языков и диалектов имеет появление долгих гласных в результате постепенного выпадения интервокальных согласных *γ*, *g*, *n* и *у*, а также эволюция гласного *i*. Известно, что все это привело к существенным различиям между этими языками и диалектами. А ведь между тем все эти процессы происходили в монгольском языковом мире в исторически засвидетельствованный период.

Различная эволюция диалектов некогда единого монгольского языка была, таким образом, обусловлена: 1) наличием исконной диалектной дифференциации древнемонгольской речи; 2) вступлением этой речи в такую фазу своего исторического развития, которая характеризуется постепенным образованием долгих гласных и третьим переломом гласного *i*, и 3) возникновением и нарастанием нового, громадного слоя лексики, связанного с процессом дальнейшим номадизации монгольских племен и укрепления нового тогда социально-экономического строя, феодализма. К тому же очень важно учитывать, что именно с XIV—XVI вв. отдельные ответвления монгольской

речи стали переживать указанные выше процессы и развиваться в различных культурно-исторических и этнолингвистических окружениях, в силу чего перечисленные языковые процессы протекали далеко не одинаково, расширяя и углубляя различия между отдельными частями некогда единого монгольского языка, или между отдельными языками, если считать, что эти языки уже существовали в качестве самостоятельных лингвистических единиц и до эпохи XII—XIII вв. Монголистика не может иметь других путей сравнительно-исторического исследования своих объектов, поскольку при неопределенности понятия о языковом единстве местные или племенные диалекты дописменного периода легко могут быть определены как самостоятельные языки.

Мы, конечно, здесь исходим из того, что языковеды, говоря о каком-либо одном едином языке, не могут представлять его столь монолитным, что при этом не допускается существование диалектной дифференциации: вряд ли вообще когда-либо и где-либо был такой язык, который не распадался бы на свои местные диалекты, иногда легко принимаемые за самостоятельные языки, если не принимать во внимание языки с весьма ограниченным числом своих носителей.

Более того: несомненное наличие постоянной диалектной дифференциации какого-либо языка является единственной внутренне-лингвистической предпосылкой, при которой единство данного языка в силу определенных социально-исторических обстоятельств может распасться, давая тем самым начало оживлению местных диалектов и образованию на этой основе ряда самостоятельных языков. При этом мы, алтаисты, не можем смешивать возникновение каких-либо диалектных черт с их оживлением и углублением: первое может относиться ко временам весьма глубокой давности, а второго вообще может и не быть. Учет этого обстоятельства мог бы избавить нас, монголистов, от весьма многих и существенных недоразумений, связанных с проблемой образования ряда монгольских языков на базе оживления местных диалектов некогда единого монгольского языка.

Вряд ли, например, возникновение всех бурятских, ойратских или халхаских диалектных явлений относится лишь к XIV—XVI вв., ибо некоторые из этих явлений могли иметь место задолго до оживления местных или племенных диалектов. Было бы очень трудно категорически утверждать, что каких-либо диалектных черт ойратского, бурятского, халхаского или иного типа совершенно не было, например, в период первоначального сложения монгольской речи, в момент выделения этой речи из гипотетической общелтайской общности. Невозможно, повидимому, предполагать, что когда-либо мог существовать такой монгольский язык, который на каком бы то ни было этапе своего длительного развития был бы лишен диалектной дифференциации. Равным образом трудно думать, что, например, возникновение кипчакских или огузских диалектных черт в тюркской речи

на длительный отрезок времени не предшествовало образованию известной нам кипчакской или огузской языковой общности внутри общетюркской.

Необходимо отметить, что перед монголистикой не стоит задача реконструкции общемонгольского языка-основы, поскольку исключительная близость между известными монгольскими языками прошлого и настоящего делает это совершенно излишним (то же само можно было бы сказать также относительно сравнительно-исторической тюркологии).

Задача лингвистической реконструкции, стоящая перед монголистикой, ограничивается лишь необходимостью восстановления более ранних фонетических и грамматических норм и уяснения каких-либо диалектных чередований в периоды, которые не могут быть засвидетельствованы теми или иными прямыми источниками. Самое же главное заключается в необходимости определить, какие же диалектные особенности в монгольском языковом мире являются исконными, древними, а какие же из них оказываются новыми. Это значит, что одна из основных задач сравнительно-исторической монголистики заключается в более полном воссоздании прошлого состояния монгольской речи. Все это должно способствовать разрешению центральной, главной задачи всей монголистики вообще, а именно изучению внутренних законов развития языка.